

«ЛИЧНАЯ ОБОЧИНА ОБЩЕЙ ИСТОРИИ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. НАБОКОВА

Надежда Сергеевна СТЕПАНОВА

Доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Российская Федерация, Курск

Наталья Михайловна ПЕТРУХИНА

Доктор филологических наук
Завкафедрой русской литературы и методики обучения
Узбекский государственный университет мировых языков. Узбекистан, Ташкент

“УМУМИЙ ТАРИХНИНГ ХУСУСИЙ ЙЎЛЛАРИ”: В.В. НАБОКОВ ИЖОДИДА АВТОБИОГРАФИЯ НАСРИНИНГ ҲИКОЯ МОДЕЛЛАРИ ТРАНСФОРМАЦИЯСИ

Надежда Сергеевна СТЕПАНОВА

Филология фанлари доктори, профессор,
Чет эллик фуқаролар учун рус тили ва умумтаълим фанлар кафедраси мудири
“Жанубий-ғарбий давлат университети”, Курск, Россия Федерацияси

Наталья Михайловна ПЕТРУХИНА

Филология фанлари доктори,
Рус тилини ўқитиш методикаси ва адабиёти кафедраси мудири
Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети, Тошкент, Ўзбекистон

“PERSONAL MARGIN OF COMMON HISTORY”: TRANSFORMATION OF NARRATIVE MODELS OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE IN THE WORKS OF V. V. NABOKOV

Nadezhda Sergeevna STEPANOVA

Doctor of Philological Sciences, professor
Head of the Department of the Russian Language and General Education Disciplines for Foreign Citizens
Southwestern State University, Kursk, Russian Federation

Natalya Mikhailovna PETRUKHINA

Doctor of Philology,
Head of the Department of Russian Literature and Teaching Methods
Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

UDC (УЎК, УДК): 821.161.1(091)-4

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования):

Степанова Н.С., Петрухина Н.М. «Личная обочина общей истории»: трансформация повествовательных моделей

Аннотация. Статья посвящена изучению автобиографической прозы первой волны русской эмиграции в контексте исследования особенностей структуры автобиографии В.В. Набокова «Другие берега», центрирующей исключительную ценность, богатство и неповторимое своеобразие внутреннего мира человека в его нравственном

автобиографической прозы в творчестве В.В. Набокова // Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2020. — № 1 (30). — С. 208–218.

<https://doi.org/10.36078/1586142047>

Received: December 15, 2019

Accepted: February 17, 2020

Published: February 20, 2020

Copyright © 2020 by author(s) and Scientific Research Publishing Inc.

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

становлении на «пути жизни». Изучение мемуарно-автобиографической литературы рассматриваемого периода выстраивается в системе продолжения лучших традиций русской классической литературы и определяет принцип «верности традиционным началам национальной культуры», что обуславливает не только место и значение литературы русского зарубежья, но и маркирует авторские позиции, позволяющие объединиться в осознании своей исторической миссии. Это обуславливает значимость и доминантное положение имени писателя В.В. Набокова, сохраняющего уходящую Россию в художественном слове, сберегающего национальные культурные традиции.

Цель и задачи исследования — определить и изучить особенности автобиографического текста В.В. Набокова; рассмотреть процесс превращения индивидуального опыта и миропонимания в художественную реальность литературного произведения; изучить и охарактеризовать автобиографическую прозу писателя с учетом развития культурной ситуации в XX веке; прояснить вопросы отношения к художественным традициям и новаторству, выявить новые тенденции, определившие особенности структуры художественного пространства автобиографии писателя в аспекте переплетения собственно автобиографии с воспоминаниями.

Ключевые слова: В.В. Набоков; «Другие берега»; автобиографическая проза; первая волна русской эмиграции; жанр; воспоминания; память.

Аннотация. Мақола В.В. Набоков қаламига мансуб асар – инсоннинг “хаёт йўли” давомида ахлоқий шаклланишида унинг бетакрор ички олами ўзига хосликлари, бойлиги, муқаддас қадриятлари асосий ўрин тутган “Ўзга соҳиллар” автобиографияси тузилиши хусусиятларини ўрганиш контекстида рус эмиграцияси биринчи тўлқинининг автобиография настри тадқиқига бағишланган.

Кўриб чиқилаётган давр мемуар-автобиографик адабиётларини ўрганиш рус мумтоз адабиётининг энг яхши анъаналарини давом эттириш тизимига асосланади ва нафақат хорижий рус тили адабиётининг ўрни ва аҳамиятини, балки ўзининг тарихий миссиясини англашда бирлашадиган муаллифлик позициясини таснифлайдиган “миллий маданиятнинг анъанавий ибтидосига садоқат” тамойилини белгилайди.

Бу эса бадий сўзда йўқолиб бораётган рус миллий маданият анъаналарини сақлаган ёзувчи В.В. Набоковнинг аҳамияти, юқори мавқеини белгилайди.

Тадқиқотнинг мақсад ва вазифалари — В.В. Набоковнинг автобиографик матни хусусиятларини ўрганиш ва аниқлаш; шахсий тажриба ва дунёқарашнинг адабий асар бадий ҳақиқатига айланиш жараёнини кўриб чиқиш; XX аср маданият тараққиётини ҳисобга олган ҳолда адиб автобиографик настрини ўрганиш ва тавсифлаш; адабий анъаналар ва янгиликларга муносабат масаласини аниқлаш, ёзувчи автобиографиясининг бадий макон тузилиши хусусиятларини шахсий эсдаликлар билан боғлаш нуқтан назаридан аниқлайдиган янги тенденцияларни белгилаш.

Калит сўзлар: В.В. Набоков; “Ўзга соҳиллар”; автобиографик настр; рус эмиграциясининг илк тўлқини; жанр; ёд; хотира.

Abstract. The article is devoted to the study of autobiographical prose of the first wave of Russian emigration in the context of the study of the features of the structure of V. V. Nabokov's autobiography *Other Shores*, centering the exceptional value, wealth and unique originality of the inner world of a person in his moral formation on the "path of life". Russian literature is based on the system of continuation of the best traditions of Russian classical literature and defines the principle of "loyalty to the traditional principles of national culture", which determines not only the place and significance of the literature of the Russian abroad, but also marks the author's positions that allow us to unite in the realization of our historical mission. This determines the significance and dominant position of the name of the writer V. V. Nabokov, who preserves the outgoing Russia in the artistic word, preserving national cultural traditions.

The purpose and objectives of the study was to identify and study the characteristics of the autobiographical text Vladimir Nabokov; to consider the process of transformation of individual experience and Outlook in the artistic reality of a literary work; to study and characterize autobiographical prose writer with the development of the cultural situation in the twentieth century; to clarify the issues relations to the artistic tradition and innovation, to identify new trends that determined the features of the structure of artistic space autobiography of the writer in the aspect of actually weave autobiography with memories.

Keywords: V. V. Nabokov; *Other Shores*; autobiographical prose; the first wave of Russian emigration; genre; memories; memory.

Автобиографическая проза первой волны русской эмиграции — явление уникальное, потому что никогда ранее не возникал и никогда более не повторился такой комплекс социально-политических и культурно-исторических обстоятельств развития русской литературы.

Анализируя литературный процесс в эмиграции, Г.П. Струве (русский поэт, литературный критик, журналист, переводчик, литературовед) писал: «Едва ли не самым ценным вкладом писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут признаны разные формы нехудожественной литературы — критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная проза» (9, 371), что неудивительно, так как это была литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и «мыслей» (Л. Гинзбург). Ее место в общем потоке эмигрантской литературы не вызывало сомнения уже у современников. Одной из основных задач, которую она решала, было сохранение уходящей России в художественном слове, сбережение национальной культурной традиции, при этом имя В.В. Набокова стояло и стоит особняком.

В.В. Набоков написал три автобиографии: «Conclusive Evidence: A Memoir» — «Убедительное доказательство: краткая автобиография» (1951), «Другие берега» (1954), «Speak, Memory! [An Autobiography Revisited]» — «Память, говори! [Возвращение к автобиографии]» (1967) — и задумывал четвертую. «Я надеюсь написать когда-нибудь “Говори Дальше, Память”, — написал он в Предисловии к “Память, говори”, — объём годы 1940–60, проведенные в Америке: в моих змеевиках и тиглях еще

продолжается возгонка некоторых летучих веществ и плавка кое-каких металлов» (7).

В процессе написания трех вариантов автобиографии писатель выработал «собственную оригинальную концепцию автобиографического жанра, формирование и разработку которой можно проследить, исследуя три текста как некое целостное повествовательное пространство» (2), однако мы сосредоточим свое внимание на автобиографии «Другие берега» и рассмотрим ее в контексте двух других текстов.

Внутренняя логика развития культурной ситуации в XX веке определила отношение к эстетической родословной, обусловила соотношение традиций и новаторства в литературе русской эмиграции. Мемуарно-автобиографическая литература рассматриваемого периода, с одной стороны, продолжает традиции русской классической литературы, так как многие оказались в эмиграции уже состоявшимися писателями и именно «верность традиционным началам национальной культуры дала литературе русского зарубежья силы не только выжить, но и объединиться в осознании своей исторической миссии» (10, 352).

А с другой стороны — это была иная литература, иная художественная система со своей поэтикой, эстетикой, своим художественным миром, которая не только смогла учесть достижения европейской литературы, но и в свою очередь оказала влияние на ее дальнейшее развитие.

Автобиографическая проза, рисующая «путь жизни», — одна из наиболее значимых универсалий культуры, которая «семантически связана с представлениями о духовной динамике человека, изменении и развитии, смыслообразовании и расширении сознания личности, физических и моральных испытаниях» (3, 346); она символизирует поиски своего места в жизни. Писатели-эмигранты разделяли убеждение в том, что «история души человеческой едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа», и, как персоны с ярко выраженной духовностью, в своей автобиографической прозе не только запечатлели светлый лик потерянной России, не только рассказали о скорбях и муках, выпавших на их долю, но и показали, как духовность, идущая из глубины, становится силой, образующей и поддерживающей личность в человеке.

Каждая автобиография неповторимо уникальна, но автобиографии В.В. Набокова по структуре, по особенностям конструирования художественного текста стали особыми явлениями и вызвали у русских современников-эмигрантов противоречивые чувства. Думается, это произошло прежде всего потому, что читательские ожидания от текста частично совпали или совсем не совпали с авторскими намерениями.

Цель В.В. Набокова, обозначенная им самим, заключалась в следующем: «описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нем полнозначные очертания, а именно: развитие и повторение тайных тем в явной судьбе» (6, т. 4, 133). Задуманная им книга, писал он, «представляет собой собрание систематически связанных личных воспоминаний» (7) — подробная история написания и опубликования рассказана в авторском Предисловии к «Память,

говори!». Как совершенно справедливо указано, «Другие берега» принадлежат «эссеистической прозе, отмеченной, как правило, повышенной философской нагрузкой и избегающей будь то хроникальных или квазибеллетристических тривиальностей» (4, 18). В этом ее принципиальное отличие от автобиографической прозы тех современников, которые писали свои воспоминания по классическим канонам.

В чем же неповторимое своеобразие набоковских автобиографий?

Есть ряд свидетельств о том, каков был замысел В.В. Набокова. Так, в письме к издателю К.Д. МакКормику от 22 сентября 1946 г. он так пишет о своем новом произведении: «Это будет новый тип автобиографии. Это будет последовательность коротких эссеподобных фрагментов, которые внезапным собирательным импульсом превратятся в нечто очень странное и динамичное: невинные ингредиенты достаточно неожиданного варева» («It will be a new kind of autobiography. It will be a sequence of short essay-like bits, which suddenly gathering momentum will form into something very weird and dynamic: innocent looking ingredients of a quite unexpected brew») (Цит. по (2) в переводе автора).

Издательству «Даблдэй» он сообщил, что хотел бы создать «автобиографию нового вида, или, скорее, новый гибрид между нею и романом... ряд коротких самодостаточных фрагментов, которые, неприметно наращивая инерцию, в конце концов образуют нечто совершенно необычайное и очень динамичное: невинного вида ингредиенты, из которых получается совершенно неожиданное варево» (Цит. по: 1, 136). Метафора, на первый взгляд, *кухни*, но скорее — *мастерской алхимика: змеевики, тигли, возгонка, плавка*.

В это же время он сообщил Э. Уилсону (американский литератор и критик, один из самых влиятельных литературоведов США середины XX века): «Сейчас я пишу <...> автобиографию нового типа — научную попытку распутать и проследить все запутанные нити личности — ее рабочее название “Обсуждаемое лицо”» (Цит. по: 1, 141). Замысел свой он воплотил, опубликовав в «Нью-Йоркере» в течение трех лет отдельные главы будущей книги «Убедительное доказательство» — первой своей автобиографии. Эта структура сохранена им и в двух других автобиографиях.

Так, «Другие берега» состоят из четырнадцати глав, которые просто пронумерованы, не названы и действительно представляют собой «самодостаточные эссеподобные фрагменты» (названия приводятся по публикациям в «Нью-Йоркере» и Предисловию к «Память, говори»):

- «Совершенное Прошлое» (1950),
- «Портрет Моей Матери» (1949),
- «Портрет Моего Дяди» (1947),
- «Мое Английское Образование» (1948),
- «Mademoiselle O» (1936),
- «Бабочки» (1948),
- «Колетт» (1948),
- «Картинки из Волшебного Фонаря» (1950),
- «Мое Русское Образование» (1948),
- «Прелюдия» (1949),
- «Тамара» (1949),

«Квартирка в Тринити Лэйн» (1951),
«Изгнание» (1951),
«Сады и Парки» (1950).

Глядя на эту повествовательную модель, мы понимаем, что действительно имеем дело с автобиографией иного типа — без изложения событий в дневниковой последовательности, без хронологически-упорядоченного описания возрастных ступеней, без установления строгих причинно-следственных связей между ними, без соблюдения иерархических отношений между субъектами повествования. Такая модель «суммирует его художественное кредо: желание подготовить для читателей величественный сюрприз открытия, сюрприз, которого не будет, если автор укажет на открытие сам», ибо, как считал В.В. Набоков, «мир перед нашими глазами — загадка, которая, однако, подлежит разгадыванию, и впереди нас ждет “изумленная радость” открытия великого сюрприза жизни» (1, 14).

В.В. Набоков считал, что «полнозначные очертания прошлого» проявляют себя в «развитии и повторении тайных тем в явной судьбе» (6, т. 4, 133), которые он называл «узорами судьбы» (в англоязычном набоковедении есть термин «patterning», который в данном контексте можно перевести как «тематический узор» или «сквозной мотив»). Возвращаясь в былое с «контрабандой настоящего» (6, т. 3, 38), он не случайно и «бессистемно» строит повествование, что приводило в раздражение многих, увидевших в «Других берегах» лишь проявление эгоцентризма и снобизма, но пишет о «личной обочине общей истории» (6, т. 4, 143), отбирает факты, которые подтверждают его мысль о том, что «совпадение узоров есть одно из чудес природы» (6, т. 4, 225), и решают его творческую задачу: «Обнаружить и проследить на протяжении своей жизни развитие таких тематических узоров и есть, думается мне, главная задача мемуариста» (6, т. 4, 141).

Для автобиографического жанра характерна «диахронность — и даже треххронность — соположение временных планов: здесь взаимодействуют план настоящего времени повествователя, создающего текст, и план его прошлого, о котором он вспоминает; их соотношение определяет временную перспективу текста» (8, 4). Метод В.В. Набокова заключается в исследовании безграничного прошлого, оставшегося в воспоминаниях и документальных свидетельствах, в поисках того, что он называет *тайными темами, узорами судьбы, разрозненными частями основной мелодии*; в поисках логики ходов шахматной партии, приведших к единственной развязке; однажды обнаруженная тема прослеживается на протяжении многих лет, а к финалу каждой главы и автобиографии в целом все найденные тематические линии, подчиняясь «чистому ритму Мнемозины», которого он «смирненно слушался с самого начала этих замет» (6, т. 4, 302), гармонично сплетаются в один *волшебный ковер*. «Признаюсь, я не верю в мимолетность времени — легкого, плавного, персидского времени! — писал В.В. Набоков. — Этот волшебный ковер я научился так складывать, чтобы один узор приходился на другой. Споткнется или нет дорогой посетитель, это его дело» (6, т. 4, 213).

Таковыми тематическими узорами, обнаруженными писателем, стали, например, начавшаяся в 1904 году история генерала

Куропаткина, («с которым отец был в коротких отношениях»), Верховного Главнокомандующего Дальневосточной Армии, который, желая позабавить пятилетнего Володю Набокова, показал ему на спичках море в тихую погоду и море в бурю; затем встал с оттоманки, «причем разбросанные по ней спички подскочили ему вслед» (6, т. 4, 141); история, которая завершилась особым эпилогом через пятнадцать лет: седобородый мужик в овчинном тулупе, «совершенно опростившийся генерал», на каком-то мосту попросил у В.Д. Набокова огонька. В.В. Набоков не знал, «удалось ли или нет опростившемуся Куропаткину избежать советского конца (энциклопедия молчит, будто набрав крови в рот)» (6, т. 4, 141), а мы знаем, что после Октябрьской революции Алексей Николаевич Куропаткин жил в Псковской губернии, преподавал в основанной им сельской школе, заведовал Наговской волостной библиотекой в селе Шешурино Тверской области и умер в 1925 году в возрасте 75 лет. Именно его историю заканчивает этот ключевой пассаж: «Обнаружить и проследить на протяжении своей жизни развитие таких тематических узоров и есть, думается мне, главная задача мемуариста» (6, т. 4, 141).

Это узор, принадлежащий жизни Елены Ивановны Набоковой, который писатель назвал «сцеплением времен»: «Когда она гостила девочкой у своего деда, старика Василия Рукавишника, в его крымском имении, Айвазовский, очень посредственный, но очень знаменитый маринист того времени, рассказывал в ее присутствии, как он, юношей, видел Пушкина и его высокую жену» (6, т. 4, 159). Это и перстень матери с алмазом и розовым рубином, «в прозрачных гранях которых, кабы зорче тогда гляделось мне в них, я мог бы различить <...> целую эру эмигрантской жизни, которую предстояло прожить на деньги, вырученные за это кольцо» (6, т. 4, 175).

Это история пребывания в Кембридже, что начинается и заканчивается «отвратительным треском и хрустом», с которыми В.В. Набоков вступил в поднос с чайной посудой, стоявший на ковре у кресла его кембриджского тьютора Гаррисона, — при первом знакомстве в 1919 году и семнадцать лет спустя — той неловкостью, которой «предопределилась длинная серия неуклюжестей, ошибок и всякого рода неудач и глупостей, включая романтические, которые преследовали меня в продолжение трех-четырёх последовавших лет» (6, т. 4, 273).

Это важнейший тематический узор, связанный с судьбой отца и неясными, но настойчивыми предзнаменованиями его гибели: образ парящего в небе человека, подбрасываемого незримыми качальщиками; внезапно проступающая под синими небесными сводами сцена отпевания (убитого отца) в церкви; огни свечей, «пльвучие» потому, что в глазах Набокова слезы; несостоявшаяся дуэль отца с Алексеем Сувориным, редактором газеты «Новое время» — за десять лет до той ночи в 1922 году, когда В.Д. Набоков был смертельно ранен, «но ни тени от этого будущего не падало на нарядно озаренную лестницу петербургского дома», и «несколько линий игры в сложной шахматной композиции не были еще слиты в этюд на доске» (6, т. 4, 246).

Это судьба Юрика Рауша, двоюродного брата, товарища детских майнридовских игр и забав, которые два самолюбивых

мальчика могли придумать, пытаясь перешеголять друг друга в смелости, павшего во время конной атаки в крымской степи, когда он один поскакал на пулемет красных, «и мне сдается теперь, — пишет В.В. Набоков, — что он <...> в сущности не успел выйти из воинственно-романтической майнридовской грезы» (6, т. 4, 248).

Это тема игры, задачи, загадки, появляющаяся в каждой главе: паззлы, пасьянсы и покер матери, геральдическая шашечница, узоры паркета и линолеума (в ступенчатом лабиринте которого он находил щиты и стяги, и зубчатые стены, и шлемы в профиль), тонкие ветви голого дерева, в которых дававший ему уроки рисования Добужинский учил видеть соотношение и драгоценный узор, жизнь, «путающая все роли в пьесе», партия в шахматы на борту корабля, увозящего в эмиграцию, шахматные композиции Сирина, узор на осколках разбитой чаши, картинка-головоломка «Найдите, что спрятал матрос».

Это игра с внимательным читателем, который в людях, событиях, обстоятельствах вспоминаемой реальной жизни узнает литературных героев, сюжетные ходы, художественные образы уже написанных и уже изданных В.В. Набоковым книг.

Наконец, это зеркальная реприза, если пользоваться музыкальной терминологией, завершающая повествование в «Других берегах», — все узоры совпали: на Ментонском пляже из глиняных осколков собрана чаша, разбитая Бог весть когда итальянским ребенком, решена шахматная задача, поймана бабочка, и спираль, завершив виток, поднимается на новый уровень. 19 мая 1940 года в Сен-Назере «один последний маленький сквер окружил тебя и меня и шестилетнего сына, идущего между нами» (6, т. 4, 302), — пишет В.В. Набоков на последней странице автобиографии, отсылая нас к самому началу повествования. Тогда, 21 июля 1902 года, он сам шел по аллее между матерью и отцом, державшими его за руки, отправляясь в осознанное бытие.

В «Других берегах» перед нами — обычная для В.В. Набокова кольцевая структура, «круг», который замкнулся; и именно в конце произведения находят свое логическое завершение сюжетные линии, начатые в первой главе. В.В. Набоков с самого начала задумал жизнерадостный конец книги, начинающейся и заканчивающейся образом ребенка, которого ведут за руки отец и мать, восхищением «гармонией семейной любви» и убеждением, «что она каким-то образом отражает общую доброту жизни» (1, 13). Это самое раннее его воспоминание, первое ощущение времени и своего «я», а также намек на возможность развития узоров детства отца в детстве сына.

Для Набокова предугадать, «что происходящее в данный момент событие станет в будущем воспоминанием, значило обмануть деспотизм времени, а заглянуть мельком в чужое будущее воспоминание было редкой удачей, кратким побегом из тюрьмы своего “я”» (1, 11). Начало и финал текста утверждают его веру «в доброту и гармонию мира, которые существуют, несмотря на ужасы и нелепости истории» (1, 11), они становятся символом невидимого замысла, скрывающегося, по его мнению, за внешним хаосом жизни, символом невообразимой свободы, лежащей за гранью даже самого пронизательного человеческого сознания.

Все точки расставлены, но В.В. Набоков остается верен себе: последнее, что происходит во временном пространстве книги и зафиксировано в последнем предложении, замыкает круг и становится началом другого романа, другой жизни, другой судьбы, других берегов («*продленный призрак бытия синее за чертой страницы как завтрашние облака, и не кончается строка*»): среди хаоса прямых и косых углов вырастают великолепные трубы парохода «Шамплен», который ждет Набоковых, чтобы «унести их в Америку» (6, т. 4, 302).

Таким образом, В.В. Набоков переосмыслил роль воспоминаний, превратив их из сюжетного приема в литературную тему, создав новый тип автобиографии без плавного течения событий, изображения «эпох развития», возрастных ступеней, без установления строгих причинно-следственных связей между ними, без исповедальности.

Новыми тенденциями, определившими особенности структуры художественного пространства автобиографии В.В. Набокова, по нашим наблюдениям, стали:

— переплетение собственно автобиографии с воспоминаниями, при этом подчинение последовательности изложения ассоциативным связям; это в свою очередь определило свободу и мозаичность композиции, когда повествование складывается как «пузель» (пазл) из множества вырезанных кусочков под умело витающими руками; композиционные части при этом отличаются как объемом представленной в них информации, так и охватом времени;

— совмещение, взаимодействие и взаимопроникновение различных пространственных и временных пластов, отказ от хронологической последовательности изложения, «текучесть» повествования — свободное движение по разным временным пластам, перемещение из внешнего мира во внутренний и обратно: «Времени нет, все есть некое настоящее, которое как сияние находится вне нашей слепоты» (6, т. 3, 308);

— взгляд на прошлое не как на безвозвратно ушедшее, а как на существующее в ином пространственно-временном измерении (на это указывает и название автобиографии — «Другие берега»), потому что в художественном мире В.В. Набокова «времени нет», а переживание настоящего, воспоминание и воображение предстают как равноценные явления;

— отбор сюжетного материала по степени значимости для повествования и повествователя: многие важные события просто не упоминаются, опускаются годы и десятилетия, в повествовании не участвуют ближайшие родственники (например, два брата и две сестры), что соответствует авторскому замыслу и определяет художественную условность повествования: «Мне думается, — писал В.В. Набоков, — что в гамме мировых мер есть такая точка, где переходят одно в другое воображение и знание, точка, которая достигается уменьшением крупных вещей и увеличением малых: точка искусства» (6, т. 4, 233);

— семантическая множественность «я» повествователя, вплоть до возникновения «на страшном русском снегу моего двойника в американском пальто» (6, т. 4, 187), а также множественность адресатов, внутренних и внешних;

— предполагаемая максимальная творческая активность читателя.

В известном смысле, творчество В.В. Набокова — это действительно «элитарное чтение», требующее подготовленного читателя, но какова награда! «Мастер лезет вверх по нехоженому склону, там, на ветреной вершине, встречает — кого бы вы думали? — счастливого и запыхавшегося читателя, и они кидаются друг другу в объятия, чтобы уже вовек не разлучаться — если вовеки пребудет книга» (5, 25).

Автобиографическая проза В.В. Набокова — это не просто путешествие в прошлое, но преодоление изгнания, спасение от ностальгии, «дар Мнемозины», развившийся в эмиграции; осмысление своей жизни в форме художественного творчества, вариантом которого является память о прошлом; некий итог «воспоминательной прозы», где, кроме самостоятельного сюжета, напоминающего сюжеты классической русской мемуаристики, совершенно иначе заявлено авторское представление о целостности мира, об ощущении невидимого порядка, скрытого под видимым хаосом жизни, но проявляющегося в тематических узорах судьбы.

Использованная литература

1. Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы: биография. — М.: Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2004. — 928 с.
2. Васильева Е.В. Автобиографическая проза В.В. Набокова «Conclusive Evidence», «Другие берега», «Speak, Memory!»: История создания, художественная и жанровая специфика: дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2005. — 230 с. [Электронный ресурс] / Е.В. Васильева. — Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/avtobiograficheskaya-proza-vv-nabokova-conclusive-evidence-drugie-berega-speak-memory-istori> (Дата обращения 30.11.2019).
3. Коковина Н.З., Степанова Н.С. Метафизика пути как формы духовного восхождения в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. — № 6. — С. 342–347.
4. Мулярчик А.С. Следуя за Набоковым // Набоков В.В. Рассказы. Воспоминания. — М.: Современник, 1991. — С. 5–22.
5. Набоков В.В. О хороших читателях и хороших писателях // Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. — М.: Издательство «Независимая газета», 1998. — С. 23–32.
6. Набоков В.В. Собрание сочинений. В 4 т. — М.: Правда, 1990.
7. Набоков, В.В. Память, говори [Электронный ресурс] / В.В. Набоков. — Режим доступа: <http://nabokov.niv.ru/nabokov/proza/pamyat-govori/pamyat-govori-1.htm> (Дата обращения 30. 11. 2019).
8. Степанова Н. С. Аксиология детства в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья: Монография. — Курск, 2011. — 215 с.
9. Струве Г. Русская литература в изгнании / Г. Струве. — Paris: YMCA-PRESS, 1984. — 428 с.
10. Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 600 с.

References

1. Boid B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody: biografiya* (Vladimir Nabokov. American years: biography), Moscow: Nezavisimaya Gazeta, St. Petersburg: Simpozium, 2004, 928 p.
2. Vasil'eva E.V. *Avtobiograficheskaya proza V.V. Nabokova "Conclusive Evidence", "Drugie berega", "Speak, Memory!": Istoriya sozdaniya, khudozhestvennaya i zhanrovaya spetsifika* (Autobiographical prose V.V. Nabokov's "Conclusive Evidence", "Other Shores", "Speak, Memory!": The history of creation, artistic and genre specifics): candidate's thesis, Tomsk, 2005, 230 p., available at: <https://www.dissercat.com/content/avtobiograficheskaya-proza-vv-nabokova-conclusive-evidence-drugie-berega-speak-memory-istori> (November 30, 2019).
3. Kokovina N.Z., Stepanova N.S. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2011, No 6, pp. 342–347.
4. Mulyarchik A.S. In: *Nabokov V.V. Rasskazy. Vospominaniya* (Nabokov V.V. Stories. Memories.), Moscow: Sovremennik, 1991. pp. 5–22 (652 p.)
5. Nabokov V.V. O khoroshikh chitatelyakh i khoroshikh pisatelyakh // Nabokov V.V. *Lektsii po zarubezhnoi literature*, Moscow: Izdatel'stvo «Nezavisimaya gazeta», 1998, pp. 23–32 (512 p.).
6. Nabokov V.V. *Sobranie sochinenii. V 4 t.* (), Moscow: Pravda, 1990.
7. Nabokov, V.V. *Pamyat', govori* (Memory speak), available at: <http://nabokov.niv.ru/nabokov/proza/pamyat-govori/pamyat-govori-1.htm> (November, 30, 2019).
8. Stepanova N. S. *Aksiologiya detstva v avtobiograficheskoi proze pervoi volny russkogo zarubezh'ya* (Axiology of childhood in autobiographical prose of the first wave of the Russian foreign countries), Kursk, 2011, 215 p.
9. Struve G. *Russkaya literatura v izgnanii* (Russian literature in exile), Paris: YMCA-PRESS, 1984, 428 p.
10. Chagin A. I. *Puti i litsa. O russkoi literature XX veka* (Ways and faces. About Russian literature of the XX century), Moscow: IMLI RAN, 2008, 600 p.